О. В. АУРОВ, Д. В. ЗАЙЦЕВ

Ауров Олег Валентинович
кандидат исторических наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория античной культуры, ШАГИ РАНХиГС
заведующий кафедрой всеобщей истории,
Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
доцент, кафедра всеобщей истории,
Историко-архивный институт,
Российский государственный гуманитарный университет
125267 Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (495) 250-64-56
E-mail: olegaurov1@yandex.ru

Зайцев Дмитрий Владимирович
преподаватель,
Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

Античность после античности

Античность — особая эпоха в истории европейской цивилизации. Период появления Европы, особого европейского самосознания и культурного своеобразия, вместе с тем это время уже в Средние века превратилось в источник колоссального количества политических и культурных образов и метафор и остается таковым до сих пор. Создатели империй и отцы-основатели республик, революционеры и консерваторы, идеологи европейской интеграции и адепты крайнего национализма — все они volens nolens обращались к этой неисчерпаемой сокровищнице политических идеалов, образцов и риторических средств. Именно поэтому проблематика, связанная с исследованием форм восприятия античности в европейской истории, политике и культуре, является воистину неисчерпаемой. Ниже мы постараемся дать общую характеристику хода и результатов круглого стола «Античность в европейской истории, политике и культуре: Средние века. Новое время. Новейшее время», состоявшегося в Школе актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС **13 сентября 2017 г.**, обратив особое внимание на содержание тех докладов, которые не были опубликованы, а также на общий ход научной дискуссии.

Первая тема, обсуждавшаяся в ходе утреннего заседания, была сформулирована следующим образом: «Культура в политике и политика в культуре: античный мир от расцвета к упадку». Первый доклад («Двойные стандарты в

© О. В. АУРОВ, Д. В. ЗАЙЦЕВ DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-234-246

оценках римской демократии») в рамках секции представил **Андрей Михайлович Сморчков**. В центр своего исследования докладчик поставил осмысление римской политической системы в современной историографии. По его словам, на протяжении долгого времени Римскую республику характеризовали как олигархию. Однако затем эта точка зрения была оспорена. Спровоцировал дискуссию Ф. Миллар, который заявил, что республика долгое время была такой же, в сущности, демократией, как и Афины V в. до н. э. По мнению докладчика, обе стороны дискуссии методологически неправы, поскольку в качестве критерия оценки римской демократии выступает сравнение с демократией афинской. Однако если использовать этот критерий для анализа современных государств, последние точно так же не могут быть признанными демократическими. Первый критерий — влияние народа на принятие решений — относится к римской политической системе с ее ежегодными выборами и регулярными собраниями гораздо больше, нежели к современным государствам. Второй критерий, который используется для опровержения демократичности римлян — утверждение внесенного законопроекта путем голосования. Однако конкурентный характер голосования не является показателем демократии, тем более что римские политики вносили в народное собрание законопроект только тогда, когда были уверены в его успехе. Отрицательные результаты голосования могли стать угрозой для дальнейшей политической карьеры автора законопроекта. Таким образом, докладчик пришел к выводу, что Римская республика была более демократична, нежели современные демократии. Во всяком случае, римский гражданин обладал правом личного участия в принятии важнейших политических решений и реализовывал его, являясь в народное собрание. Ему не было необходимости делегировать свои права представителям — посторонним для него людям, не пользующимся его полным доверием.

В ходе краткой дискуссии, состоявшейся по окончании доклада, в которой помимо докладчика приняли участие О. В. Ауров и Б. М. Никольский, подчеркивалась некорректность утвердившегося скорее в политической науке, чем в антиковедении, устойчивого противопоставления «демократической Греции» и «олигархического Рима». Было обращено внимание на особую роль олигархических моделей организации политической власти не только для античных, но и для всех архаических (а возможно — и не только архаических) обществ. Именно поэтому «демократические» и «монархические» (авторитарные) элементы политического устройства слишком часто оказывались вторичными, не играющими определяющей роли. При ближайшем рассмотрении античные и средневековые «монархические», «демократические» и «олигархические» политические структуры обнаруживают больше сходных черт, чем различий.

Доклад **Ивана Михайловича Никольского «**“Раннесредневековое” развитие “позднеантичной” политической модели: *Satisfactio* Драконция в редакциях V и VII вв.» был посвящен сочинению «Satisfactio» («Искупление») римского ритора, юриста и поэта Блоссия Эмилия Драконция (ум. после 496 г.), жившего в конце V в. в Карфагене. Докладчик наглядно показал, что рассматриваемый текст позволяет детально воспроизвести модель идеального правителя в представлении позднеантичного интеллектуала и вывести корре-

ляцию между ней и политическими событиями того времени. При этом отдельный интерес представляет дальнейшая судьба сочинения: оно оказалось востребовано спустя 200 лет, когда вторую жизнь в виде новой, несколько видоизмененной редакции ему дал толедский епископ Евгений II (ум. в 657 г.), крупная фигура в политической и культурной жизни вестготской Испании своего времени.

В ходе общей дискуссии по итогам работы секции подчеркивалась значимость формирования общих представлений о фундаментальных особенностях форм политического устройства в античности, удачно отраженных докладчиками. Если объектом анализа у А. М. Сморчкова выступила античная «демократия», то у И. М. Никольского — античная по своей сути «монархия», особенности которой были выявлены на примере политического устройства варварского королевства вандалов. В последнем случае, как подчеркнул в ходе дискуссии И. М. Никольский, представления о легитимности власти были прямо связаны с ее римскими истоками, в том числе с фактами прямого родства вандальских королей с императорами Запада, как это видно в случае короля Хуннериха (Гунериха, 477–484); отсюда же проистекала и традиция использования императорской титулатуры и некоторых иных внешних атрибутов королями вандалов и аланов в Северной Африке. О. В. Ауров подчеркнул роль текста (в данном случае — сочинений Драконция, в поздней редакции которого ощутимо также влияние идей Аврелия Августина, Исидора Севильского и некоторых других позднеантичных авторов) как матрицы, фиксирующей значимые элементы политической культуры. Вместе с тем была поставлена под сомнение идея докладчика о «средневековом» (в противовес непосредственным «античным» предшественникам) характере литературного наследия не только Евгения II Толедского, но и Юлиана Толедского (ок. 642 — 690), во многом продолжавшего его традиции и как действующий политик, и (особенно) как идеолог. В ответ на это замечание И. М. Никольский поставил проблему хронологической и сущностной границы между античностью и Средневековьем в широком смысле, поскольку в противном случае невозможно четко определить специфику «античного» по отношению к «средневековому». Было признано целесообразным рассмотреть эту глобальную проблему позднее, с учетом результатов работы «средневековой» секции.

Дневное заседание, темой которого стала «Античная идея Империи в политике и культуре средневековой и ренессансной Европы», открыл доклад **Марии Александровны Черновой** «Античные образцы в репрезентации власти в Сербии XIII–XV вв.». Он был посвящен античным образам в системе репрезентации власти средневекового Сербского государства на примере житий, дарственных грамот сербских правителей, родословов, летописей и визуальных источников. Основная стратегия сербских правителей в сфере репрезентации заключалась в апелляции к святой династии Неманичей, а также в сравнении с целым рядом библейских персонажей. Но, несмотря на очевидную христианскую направленность всей политической культуры Сербского государства, античные образы в ней активно присутствовали. В докладе были рассмотрены два из них — Александр Великий и Константин Великий.

Образ Александра Великого приобрел популярность на Балканах в связи с распространением в XIV в. перевода позднеэллинистического романа Псевдо-

Каллисфена «Александрия». В это же время в литературе появляется первое сравнение с образом македонского царя, сербского короля Стефана Уроша II Милутина (1282–1321) из династии Неманичей. Еще одним античным образом, широко распространенным на Балканах (как и во всем христианском мире), стал образ Константина Великого, воспринимавшегося как защитник христиан и первый христианский император. Исходя из этого представления, болгарский книжник Константин Философ (Константин Костенечки, 1380 — после 1431), автор «Жития Стефана Лазаревича», возвел к императору Константину всю сербскую династию Неманичей. Кроме того, образ Константина Великого присутствует в житийной литературе и на фресках многочисленных монастырей-задушбин (построенных во имя спасения души основателя) сербских правителей. Таким образом, античные герои органично вплелись в христианскую идеологию репрезентации сербских правителей.

В ходе краткой дискуссии, состоявшейся по окончании доклада (О. В. Ауров, М. В. Шумилин и др.), подчеркивалась значимость приведенных примеров из истории Сербии именно в том, что им несложно найти параллели в культурах других средневековых христианских монархий — не только балканских, но и западно-средиземноморских и западноевропейских в целом. И эпические произведения об Александре Македонском, и образ Константина Великого (ср. эпитет «Новый Константин», применявшийся современниками к императору Фридриху II Гогенштауфену), получили широкое распространение, что говорит о высокой степени единства средневековой христианской (не только латинской) Европы.

Олег Валентинович Ауров представил доклад «Сюжеты римской истории в “Истории Испании” Альфонсо X Мудрого (1252–1284 гг.)». В центре внимания докладчика находились образы из римской истории, отраженные в большой хронике «История Испании», созданной по инициативе короля Кастилии Альфонсо X Мудрого. Создание этого незавершенного сочинения, написанного на старокастильском языке и составившего (наряду с «Великой и всеобщей историей») своеобразную историографическую дилогию, докладчик прямо связал как с образом античного наследия, сформировавшимся к середине XIII столетия в культуре пиренейских монархий, так и с политической ситуацией на Пиренейском полуострове.

Причины появления сюжетов и образов из римской истории в тексте памятника могли быть самыми разными. Во-первых, хронистами мог двигать чисто познавательный интерес к античному прошлому. Во-вторых, темы, которые были избраны Мудрым Королем и его сотрудниками, сильно зависели от круга источников, среди которых основными являлись «Энеида» Вергилия, «История против язычников» Павла Орозия и некоторые другие. Наконец, третья причина (которую следует признать основной и которая соответствовала изначальной задаче составления хроники) была обусловлена восприятием истории Рима как своеобразной политической лаборатории, опыт которой хронисты пытались использовать и популяризировать на новом этапе существования королевства Кастилия и Леон, претендовавшего на гегемонию в масштабах всего Пиренейского полуострова — единой Испании. Эта новая, еще не существовавшая страна вписывается в европейскую и мировую историю именно через посредство Рима, одним из прямых преемников которого

оказывалась *Espanna* Альфонсо Мудрого, образ которой создавала хроника. Обращаясь к ее рукописной традиции (прежде всего к люминованной рукописи Y-i-2 (конец XIII в.) из собрания Королевской библиотеки Эскориала), докладчик обратил внимание слушателей на сходные моменты и в декоративном оформлении ключевых рукописных свидетельств истории памятника.

В ходе краткой дискуссии, состоявшейся по окончании доклада (О. В. Ауров, М. В. Шумилин, Е. В. Илюшечкина, М. А. Чернова, И. М. Никольский), была подчеркнута значимость «Фарсалии» Лукана как одного из универсальных средневековых источников по истории Рима. В частности, в «Истории Испании» именно оттуда заимствована информация о римских магистратах (представленная вслед за рассказом о Пунических войнах и царском периоде римской истории), политическом устройстве императорского Рима и др. Лукан выступал в хронике в качестве одного из главных авторитетов, на мнение которого ориентировались хронисты. Наряду с ним следует подчеркнуть роль произведений Вергилия, Овидия, в меньшей степени — Горация и Ювенала. Но главным источником являлась все же «История против язычников» Павла Орозия, информация которого составила цифровой каркас повествования, вокруг которого «выстраивались» сведения, почерпнутые из других текстов, что в итоге позволяло связать историю «Испании» с историей Рима, создать образ Испании как своеобразного «воображаемого сообщества». При этом не следует забывать, что «История Испании», наряду с «Великой и всеобщей историей», составляла дилогию: если первая начиналась с описания деяний Геркулеса, основателя испанских городов, то вторая — с сотворения мира, судя по «Хронике» Евсевия-Иеронима. Важное значение для создания образа единой Испании, связанной общностью прошлого, имело и использование кастильского языка, который способствовал широкому распространению историографической модели памятника; свидетельство тому — наличие различных версий текста и богатство рукописной традиции «Истории Испании».

С заключительным докладом секции «Ученый гуманист vs античный автор: комментарии раннего Нового времени к энциклопедии Плиния Старшего» выступила **Екатерина Викторовна Илюшечкина**. Центральной темой ее сообщения стали комментарии Маркантонио Сабеллико (1436–1506), Стефана Аквея (? — ок. 1537) и Якоба Далекампия (ок. 1513–1588) к «Естественной истории» римского автора Плиния Старшего. Докладчик рассмотрел особенности восприятия труда Плиния Старшего в раннее Новое время, изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов XV–XVI вв., которые сыграли важную роль в становлении науки об античности.

В ходе общей дискуссии, состоявшейся по итогам работы секции, ее участники, И. М. Никольский, Н. П. Таньшина, М. В. Шумилин и И. А. Женин, подчеркнули в первую очередь сложность и разнообразие форм трансляции античного наследия в периоды Средневековья и раннего Нового времени. Кроме того, были подведены итоги начатого на утреннем заседании обсуждения хронологических границ античности и критериев их проведения. В последнем случае, помимо констатации определенной условности самого определения понятия *античность*, было подчеркнуто, что проведение более или менее четкой границы между античностью и Средневековьем необходи-

мо лишь в процессе преподавания соответствующих дисциплин и в целом недостаточно целесообразно в рамках академической науки, в силу крайней сложности конкретного материала и его многообразия. С учетом этих замечаний О. В. Ауровым было предложено два основных критерия для проведения хронологической границы между античностью и Средневековьем в широком смысле.

Первый из них — окончательное исчезновение как античной гражданской общины в собственном ее виде, так и генетически связанной с ней позднеантичной церковной организации. Последняя, подобно первой, выстраивалась в пределах городской черты, статус клира заимствовал ряд важных элементов статуса и функций античных магистратов, традиция массовых собраний в больших храмах-базиликах в определенной мере выступала в качестве преемника народных собраний античного времени и т. д. В хронологическом плане, как подчеркивали участники дискуссии, можно говорить приблизительно о рубеже VII–VIII вв., поскольку, в частности, в реалиях церковной жизни каролингской эпохи античные черты уже не присутствовали в сколь-нибудь системном виде. Например, в организационном плане каролингская Церковь ориентировалась уже прежде всего на сельскую местность; ее ключевыми структурными элементами являлись сельские приходы и монастыри, а основную паству составляли rustici, тогда как роль города в церковной организации резко сократилась во всех возможных аспектах.

В качестве второго критерия было выдвинуто возникновение культуры мертвого латинского языка, торжество которой являлось, вероятно, наиболее наглядным свидетельством исчезновения римской школы — едва ли не главной основы римской гражданской идентичности, общественно-политическая роль которой известна нам в первую очередь по данным сочинений Квинтилиана и Аврелия Августина. Внешние проявления кризиса, последовавшего за исчезновением античной школы около середины VII в., могли быть самыми разными. Далеко не всегда речь шла о явном упрощении риторических конструкций и грамматических форм, а также об оскудении лексики. Наоборот, культура вестготской Испании VII в. — от Исидора Севильского и его современников до Юлиана Толедского — характеризуется скорее искусственным усложнением письменной речи, которая становится все более изысканной, изобилует плеоназмами, сложными метафорами и риторическими фигурами, отличается крайним богатством лексики (в том числе за счет греческих заимствований). При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что эта искусственная усложненность являлась, главным образом, следствием предельного сокращения круга образованных людей, которые в своих произведениях ориентировалась почти исключительно на узкую группу высокообразованных современников — островок в море торжествующего обскурантизма. В этом смысле показательно, в частности, содержание трактата «Наставления к воспитанию» (VIII в.), отражающего идеальную систему образования и воспитания, основная идея которого, несомненно, восходит к «Государству» Платона. Отсутствие практического значения этого текста, представляющего своеобразную педагогическую утопию, очевидно: знания и навыки, которые его автор предлагал выработать у учащихся, были абсолютно неприменимы в условиях VIII столетия. К этому времени разрыв между устной и письменной

традицией принял совершенно необратимый характер: письменный язык уже не только не воспроизводится, но и не понимается без специальной подготовки. Видимо, с этого столетия и следует начинать Средневековье (при том, что и названная дата не лишена условности).

В ходе дискуссии с О. В. Ауровым М. В. Шумилин, И. М. Никольский и Е. В. Илюшечкина обратили внимание на специфику византийской цивилизации, в истории культуры которой также можно указать на выраженный «лингвистический поворот», проявившийся в первую очередь в окончательном вытеснении латинского языка из сферы права и делопроизводства в том же VIII столетии. Вместе с тем глубокие изменения в этой сфере проявились еще ранее — уже в VII в. В это время пресекается традиция языческой эпиграммы, утверждается негативное представление об эллинах как язычниках и т. п. Эти черты, несомненно, имеют параллели в истории западной культуры рубежа античности и Средневековья. Однако они возникли в условиях сохранения античной школы, традиция которой не пресекалась до самого конца Восточной империи. Есть даже точка зрения, согласно которой Византия сохранила верность принципам античного прошлого на протяжении всей своей истории, и можно говорить лишь о смене одних моделей восприятия античности другими.

Сказанное не отрицает справедливости замечаний, высказанных на западном материале, но заставляет рассматривать их как частный случай проявления тенденций более общего характера. Следует также уйти от упрощенных представлений об эволюции латинского литературного языка в первые века н. э., тем более что дистанция между литературной и разговорной («народной») латынью была весьма ощутима даже во времена расцвета римской культуры. Поэтому говорить о выраженных «разрывах», одномоментном (или даже резком) сломе традиции в данном случае едва ли возможно. В итоге дискуссии констатировали сложность проблемы и необходимость дальнейшего изучения целого ряда ее конкретных аспектов.

М. А. Чернова и И. А. Женин обратили внимание на определенную уязвимость попытки распространения О. В. Ауровым понятия «воображаемое сообщество», введенного Б. Андерсеном главным образом на конкретном примере Австро-Венгерской империи, на историю национальных государств, тем более с учетом тех многочисленных ограничений, с которыми это последнее понятие может быть использовано применительно к Средневековью.

О. В. Ауров признал известную обоснованность высказанного замечания, подчеркнув, однако, что в первую очередь в данном случае его интересовала степень применимости выводов, полученных в процессе изучения механизмов нациестроительства XIX–XX вв., связанных с формированием национальных идентичностей, хорошо изученных на материале Германии, Франции, Австро-Венгрии и ряда других стран и регионов, к процессам политогенеза архаических общностей. В ряде случаев подобная экстраполяция (разумеется, при наличии существенных оговорок) является достаточно плодотворной. В частности, это видно на примере Тулузского и Толедского королевств вестготов, ключевым моментом политической эволюции которых стало осознание территориальной, этнической и культурной самодостаточности Испании, которое не произошло само по себе, естественным путем, но стало следствием

конкретных, сознательно предпринятых усилий со стороны местных элит, в данном случае — верхушки образованного клира. Пик этого процесса связан с деятельностью Исидора Севильского (ок. 560 — 630), Юлиана Толедского, а также ряда их современников. Так, первый в своей «Истории королей готов, вандалов и свевов» выделил Испанию (ранее — крайне гетерогенную в том, что касалось этнической структуры населения и территориально-административной системы) из общего пространства бывших латинских провинций Рима, воспел ее географическую и природную самодостаточность, особость и неповторимость. Он же окончательно отказался от характеристики испанцев как «римлян», связав понятие *Romani* исключительно с ромеями-византийцами. Что же касается Юлиана Толедского, то его «История короля Вамбы» логически завершила этот процесс, уверенно использовав понятие «испанцы» (*Hispani*) и ставшее синонимичным ему «готы» (*Gothi*) в принципиально новом значении. Отныне они превратились в обозначения испанской знати, жестко противопоставленной «франкам», «иудеям», «галлам» и «баскам». Кроме того, он четко разграничил Испанию и Галлию, наделив образ последней выраженными негативными коннотациями и определениями.

Конечно, это разграничение не возникло одномоментно. Но его фиксация в конкретных текстах стала сознательным актом обозначения территориальной и социальной общностей, де-факто еще не существовавших и превратившихся из потенциальной возможности в реальность лишь в результате сознательных действий образованных представителей политической элиты. Эта сознательность, по мнению О. В. Аурова, и позволяет говорить о названных выше сообществах как о «воображаемых». Точно так же вполне осознанно столетия спустя действовал и Альфонсо X Мудрый, создавая образ единой Испании как территориального сообщества, связанного общностью языка и истории. В этом контексте важны даже кастильские версии топонимов и антропонимов, использованные в «Альфонсовых историях», которые являлись частью механизма воплощения в жизнь политических идей Мудрого Короля об испанском единстве — территориальном, лингвистическом, историческом и в конечном счете поэтическом. Едва ли описанные сценарии противоречат моделям нациестроительства, проявившимся в Новое и Новейшее время. Хотя, конечно, применять к архаическим политиям понятие нации нельзя уже потому, что носителями политической идентичности в древности, в Средние века и раннее Новое время выступали не нации современного типа, а исключительно политические и культурные элиты. Однако при всей своей важности эта оговорка не меняет основной сути явления.

Отвечая О. В. Аурову, И. А. Женин подчеркнул, что при всей убедительности высказанных соображений в данном случае можно говорить скорее о метафоре «воображаемого сообщества»: слишком уж прочно утвердилась традиционная трактовка понятия, основу которой составили феномены империи и имперского опыта. О. В. Ауров принял это замечание к сведению, признав его обоснованность.

Вторая секция дневного заседания была посвящена теме «Античность в политике и культуре Англии / Великобритании (позднее Средневековье и раннее Новое время)». С докладом «Интерес к античности в среде джентри XV в. Казус Уильяма Уорчестера» выступила **Елена Давыдовна Браун**. Речь в ее до-

кладе шла о ценностной шкале джентри и об Уильяме Уорчестере (ок. 1415 — ок. 1482) — известном антикваре и авторе «Annales Rerum Anglicarum».

Доклад **Александра Валентиновича Воеводского** «Роль античного наследия в осмыслении имперского опыта Британии (на примере трудов Джеймса Милля)» был построен на анализе трудов британского (шотландского) экономиста Джеймса Милля (1773–1836).

В ходе общей дискуссии по докладам секции помимо докладчиков выступили А. М. Сморчков, Е. В. Илюшечкина, О. В. Ауров, И. А. Женин и Н. П. Таньшина. О. В. Ауров, касаясь содержания доклада Е. Д. Браун, отметил, что в англосаксонской традиции (насколько это ему известно) престижность знания об античности обеспечивается, с одной стороны, ролью университетов как центров подготовки элит. Вместе с тем всегда присутствовали интересы политического и идеологического характера, в частности, выделявшие роль Греции как родины демократии.

Отвечая на это замечание, Е. Д. Браун отметила, что, разумеется, в XV–XVI вв. об интересе к демократии говорить сложно. Действовали иные, более характерные причины, например, такие как интерес к истории троянцев, в которых видели родоначальников заселения Британии. Этот стереотип, закрепленный средневековой историографией, был очень стабильным. При этом необходимо учитывать, что образ Древней Греции в сознании образованных британцев рубежа Средневековья и раннего Нового времени представлял собой комплекс штампов, воспринимавшихся крайне утилитарно и ограниченно. К тому же традиция изучения греческого языка возникла позднее.

Е. В. Илюшечкина, продолжая тему, обратила внимание на подобное явление в скандинавской историографии XVII–XVIII вв., где в схожем контексте всячески подчеркивалась роль Улисса-Одиссея. О. В. Ауров напомнил об аналогичной функции Геркулеса, основателя Кадиса и Севильи, «сына короля Юпитера», в средневековой испанской (в частности, кастильской и леонской) историографии. А. М. Сморчков подчеркнул роль образа Греции как своеобразного «родоначальника» историй самых разных европейских народов.

А. В. Воеводский отметил тот факт, что герой его доклада, Дж. Милль, в греческой истории особо выделял значимость фигур Платона и Демосфена (первый из которых, кстати, не являлся сторонником демократии). В целом, по его мнению, до XX в. интерес к античной демократии в англо-саксонской традиции неочевиден, его возникновение в следующую эпоху имело вполне конкретные причины. И, конечно, многое объясняет присутствие античности в системе образования. Кроме того, А. В. Воеводский подчеркнул, что Платон и Аристотель являлись наиболее влиятельными политическими мыслителями в Британии начала XIX в., ни Гоббс, ни Локк, ни другие просветители не могли похвастаться подобной ролью. В качестве примера было указано на значимость идеи Аристотеля о политической соразмерности для британской политической мысли упомянутого периода. Продолжая эту мысль, И. А. Женин обратил внимание на тот факт, что интерес к философско-политическому наследию Локка в Европе резко возрос в эпоху распространения тоталитарных режимов.

Оживленную дискуссию вызвало также содержание доклада А. В. Воеводского. А. М. Сморчков аргументированно показал, что, несмотря на все доводы Дж. Милля, именно римский опыт (если исходить из наших совре-

менных знаний об этом сюжете античной истории) оказывается типологически гораздо ближе к британской модели колонизации, чем греческий. Отвечая на это замечание, А. В. Воеводский подчеркнул значимость идеи духовного единства, которая ставилась либералами-утилитаристами XIX в. (к которым принадлежал и Дж. Милль) выше политической своеобразности. Показательно, в частности, в этот период расширение прав Канады и предоставление ей статуса доминиона. Ситуация несколько изменилась лишь к концу столетия, когда, в частности, Б. Дизраэли стал открыто говорить о Британской империи как «новом Риме». Важно также отделять политику, применяемую к так называемым переселенческим колониям (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.), от ситуации в британских колониях в Индии и Африке, по отношению к которым прямо провозглашалась идея миссии «белого человека» и ставилась цель искоренения «варварства». В то же время идеи мыслителей, подобных Дж. Миллю, были реализованы в статусе доминионов, самоуправление которых рассматривалось как важное средство достижения экономического процветания. В связи со сказанным А. М. Сморчков заметил, что как раз на примере доминионов особенно хорошо видны принципиальные отличия британской модели колонизации от модели древнегреческой: ведь греческие колонии изначально, с момента своего основания являлись самостоятельными государствами, тогда как доминионы вырастали из зависимых территорий; таким образом, сходство греческих колоний с моделью доминионов при ближайшем рассмотрении оказывается лишь внешним.

Вечернее заседание круглого стола было посвящено теме «Античность в политике и культуре Франции (XIX — начало XX в.)» и включало два доклада, первый из которых, «Франсуа Гизо и образы античности», был представлен **Натальей Петровной Таньшиной**. В своем выступлении она сосредоточилась на анализе научного и политического наследия Франсуа Гизо (1787–1874), знаменитого французского историка периода Реставрации, одного из ведущих политиков эпохи Июльской монархии; влияние античных образов и сюжетов было охарактеризовано докладчиком как весьма значительное, поскольку, по мнению Н. П. Таньшиной, выступает в роли своеобразной матрицы современной французской и в целом европейской цивилизации.

Игорь Владиславович Игнатченко в докладе «Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в.» рассмотрел обстоятельства жизни знаменитого основателя олимпийского движения в связи с его деятельностью по возрождению Олимпийских игр. В своем выступлении докладчик подчеркнул прагматический характер интереса своего героя к соответствующей части античного культурного наследия. Не замеченный в особом интересе к античной культуре, барон Пьер де Кубертен (1863–1937) рассматривал спорт и спортивные состязания в первую очередь как одну из форм воспитания молодежи для формирования будущей элиты французского общества. Не менее значимой целью олимпизма, по мнению политика, являлось утверждение взаимного уважения и международного диалога между нациями, что звучало особенно актуально в эпоху, непосредственно предшествовавшую Первой мировой войне.

После завершения докладов состоялась заключительная дискуссия, в ходе которой высказались все участники круглого стола. Была единодушно признана плодотворность его проблематики и намечена возможная те-

матика последующих круглых столов, посвященных роли и месту античного наследия в европейской истории и культуре.

О. В. Ауров подчеркнул значимость и многообразие последнего, обратив внимание на феномен «долгой античности». Рецепция античного наследия по этой причине вовсе не сводится к набору традиционных образов и сюжетов (греческая демократия, Поздняя Республика, Ранняя Империя, любимая англосаксами проблематика decline and fall и т. п.). К этому надо добавить и очевидные проявления «псевдоантичного», приписываемого античности без должных оснований; в частности, это явление ощущается в восприятии варварства как явления, сопряженного с абсолютной свободой, в котором гораздо больше от идей Ш. де Монтескье и Ф. Гизо, чем от подлинных реалий античности. В диалоге с Н. П. Таньшиной О. В. Ауров прямо связал идеализацию варварства, а также идеи идеального сочетания «свободы и порядка» (примеры которого Ф. Гизо, О. Тьерри, португальский историк А. Эркулано и ряд их современников видели в античном и средневековом прошлом своих стран) с политическими реалиями первой половины XIX в., в частности со становлением идеологии умеренного либерализма в соответствующих романских странах.

А. М. Сморчков высказался за дальнейшую разработку в формате круглых столов проблематики политической истории в самом широком смысле, истории и функционирования политических структур, а также параллелей и псевдопараллелей с античным прошлым, использовавшихся в политических идеологиях Нового и Новейшего времени.

Н. П. Таньшина обратила внимание на важность сочетания в тематике будущих круглых столов, посвященных рецепции античного наследия, проблемно-хронологического, страноведческого и регионального подходов. Кроме того, она подчеркнула значимость участия в круглых столах такого рода для историков Нового и Новейшего времени.

Е. В. Илюшечкина подчеркнула важность обращения к истории рецепции античного наследия в контексте проблематики культуры европейского гуманизма вообще, и в частности — форм усвоения и интерпретации гуманистами значимых античных памятников, в первую очередь «Естественной истории» Плиния Старшего. Крайне существенна, например, роль этого сюжета в истории формирования облика современной Европы, а также энциклопедизма в самом широком смысле.

Е. Д. Браун подчеркнула значимость тематики истории представлений об античности в их эволюции в самом широком проблемном и хронологическом контексте. В то же время история преемственности античных политических институтов и практик для Средневековья при всей ее важности представляется весьма узкой, способной заинтересовать лишь относительно небольшой круг специалистов.

И. А. Женин обратил внимание на значимость визуальных аспектов рецепции античного наследия не только в контексте истории архитектуры и изобразительного искусства, но и на уровне литературных образов, приведя в пример сравнение Берлина с «Афинами на Шпрее». С образами такого рода ассоциировались представления об идеальном обществе, учености, высшей справедливости и т. п. Кроме того, по мнению И. А. Женина, следует учесть и разницу

восприятия античного в разные периоды истории одних и тех же стран. В качестве примера были приведены периоды до и после объединения Германии и создания Второго рейха в 1871 г. Также было обращено внимание на всплеск интереса к философскому наследию Платона в нацистской Германии. Эти сюжеты, по мнению И. А. Женина, актуализируют проблематику, связанную с инструментальной функцией античного наследия в его эволюции. Наконец, несомненно огромное место античности в рамках истории понятий. Не следует забывать, что Греция и Рим оставили потомкам не только понятие демократии, но и концепт террора, а также целый ряд других концептов того же рода. Причем они подчас радикально меняли свое значение в процессе эволюции. Так, негативно характеризовавшаяся древними *демократия* приобрела в наше время выраженный позитивный оттенок.

В завершение была подчеркнута роль античной составляющей классической системы образования, утвердившейся в Европе под влиянием идей Просвещения, и его значения для формирования политических элит в европейских и американских обществах Нового и Новейшего времени.

Antiquity after Antiquity

Aurov, Oleg V.
PhD (Candidate of Science in History)
Associate Professor and Leading Researcher, Laboratory for Classical Studies
Head, Department of General History,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Associate Professor,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Associate Professor, Department of World History,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125267, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7(495)250-64-56
E-mail: olegaurov1@yandex.ru

Zaitsev, Dmitry V.
Lecturer, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

Abstract. The article reviews the content of the reports and the discussions presented within the framework of the colloquium "Heritage of Antiquity in European History, Politics and Culture: Middle Ages, Modern History, Contemporary History", which took

place on September 13, 2017. The special role of Antiquity in the European history is emphasized, because it was the source of many important images and metaphors used during the following epochs. Specific examples and models of translation and reception of the heritage of Antiquity are presented, with special attention paid to the national histories of Spain, France and Great Britain.

Keywords: reception of the heritage of Antiquity, notions about Antiquity, political ideology of Modernity, nationalism, democracy, empire

To cite this article:

Aurov, O. V., Zaitsev, D. V. (2018). Antichnost' posle antichnosti [Antiquity after Antiquity]. *Shagi / Steps, 4*(2), 234–246. (In Russian).

Received January 15, 2018